От редактора рубрики

Этнокультурный ландшафт Дальнего Востока России отражает историю, традиции и культуру самых разных этносов и формирует современный образ «дальневосточного». Если сравнить его с изображением, то он представляет собой не статичную картину, а постоянно обновляющийся эскиз. Границы ландшафтных зон – тайги, морского побережья, гор – являются вмещающей средой, обусловившей различные стратегии адаптации к ней и культурную специфику. В настоящей рубрике представлены работы, посвящённые островным и прибрежным этническим сообществам – айнам, алеутам и сахалинским корейцам, в судьбах которых по-особому преломляются перипетии исторической памяти, равно как и характер территорий проживания. Структура этнотерриториальной идентичности – сложная реальность, обязательно включающая в себя идиоландшафтный (индивидуальный), местный (локальный) и глобальный уровень понимания. Скрепляет систему солидарность со своими земляками. Она формируется через отождествление себя со своей общностью, включая осознание общих ценностей, культуры, истории и образа жизни. То есть территориальная идентичность – условие и одновременно средство поддержания всего комплекса этнокультуры. Одной из апелляций к чувству её подлинности и историчности служит идея укоренённости в данном регионе, без чего невозможна консолидированная трансляция памяти. Этому может служить представление об исконности проживания. И действительно, многие коренные малочисленные народы Дальнего Востока – потомки ранних насельников, чьи корни порой прослеживаются с эпохи каменного или бронзового века. Обычно их относят к двум группам – палеоазиатам (с выделением в особую подгруппу северо-восточных палеоазиатов арктической и субарктической зон) и тунгусо-маньчжурам. Однако даже эти народы никогда не представляли собой абсолютно изолированные сообщества. Более того, образ жизни охотников и собирателей всегда предполагал перемещения на сравнительно большой территории и не такие уж спорадические контакты с инокультурными соседями, что очевидно. Некоторые миноритарные этнические сообщества Дальнего Востока России являются переселенцами сравнительно недавнего времени — последних веков, а порой и лишь последних десятилетий. В последнем случае упор делается на самобытность особенного рода – уникальность культуры исхода и/или новой территории проживания.

Идеальным примером сочетания уникальности и самобытности территории являются, например, корейцы Сахалина. Здесь важны не только место их исхода – страна «утренней свежести», но и переселение, и репатриация в Центральную Азию и Казахстан и их них, а также новая территория проживания – остров Сахалин. В статье Даниила Кузнецова (ИАЭ РАН, РГГУ, г. Москва) исследуется подобная уникальная идентичность. На основе анализа работ отечественных и зарубежных ученых, а также собственных полевых материалов автор ставит вопрос о формировании буквально на наших глазах самобытной островной части корейского народа, которая, имея разные истоки (в первую очередь выходцев с территории современной Южной Кореи), сложилась в территориальную группу с заметно отличным самосознанием и исторической памятью.

Другим примером островной этнокультуры являются алеуты *унанган*. Предки российских алеутов были переселены Российско-американской компанией с Алеутских островов в 1825–1826 гг. для промысла морского зверя на Командорах. До 1970-х гг. они проживали на двух островах – Беринга и Медном. В ходе политики укрупнения населённых пунктов село Преображенское на о. Медном было оставлено и сегодня единственным населённым пунктом, где проживают алеуты России, является село Никольское на о. Беринга. Тем не менее, различия между «медновцами» и «беринговцами» можно наблюдать и сегодня. Следует отметить и негласную стратификацию. Более богатыми промысловиками и носителями более эталонной алеутской культуры некогда были медновцы. Хотя они, переселенцы с острова Атту Алеутской гряды, в прошлом были заметно ассимилированы и представляли собой часть алеут-

ского культурного круга, именно их диалект сформировал культурный канон. Тем не менее медновский диалект (смесь русского и алеутского языков) был языком тех, кто устанавливал канон этнической культуры. Наши исследования на Командорах (2016) показали не просто внешние отличия медновцев, но и сохранение исторической памяти и землячества острова Медный в условиях села Никольского В контексте командорских алеутов показательно, что значимыми остаются не только «земля исхода» и «земля обетованная», но и религиозная идентичность, глубоко переплетённая с территориальной принадлежностью. Миссионерская деятельность священника-креола Иакова Нецветова и других подвижников Русской церкви привела к прочному укоренению православия, особенно среди креольской части алеутского культурного круга. Этому способствовала не только устная проповедь вероучения среди компанейских служащих, но и поощрение церковью грамотности и сравнительно раннее появление переводов Писания на алеутский язык. Религиозное возрождение 1990-х гг. таким образом имело на Командорских островах прочный фундамент и было связано с исторической памятью островитян. Анализ роли православия дан в работе Сергея Михалева и Татьяны Корягиной (РГГУ, г. Москва). Авторы приходят к выводу, что сегодня оно выступает в роли не только вероучения, но и маркера этнической идентичности российских алеутов.

Островная среда обитания, как показано выше, формирует специфические особенности самосознания. Однако этнологи, археологи и антропологи давно отмечают, что, как бы ни было соблазнительно рассматривать островной ландшафт как идеальную модель «чистой изоляции», подобное представление чаще всего является исследовательской конструкцией. Оно служит своего рода отправной точкой для современного этнического активизма, даже когда сообщества существуют в отличных или неполностью тождественных природных условиях. Апелляция к исконности и своеобразию традиционных образов жизни, природопользования и самосознания, к утраченной, но чудом сохранившейся культуре имеет под собой специфический культурный миф, которым обосновывается и право на ресурсы. В статье Алины Миловановой (РГГУ, г. Москва) «В поисках ивору: камчадальские курильцы и этнизация природопользования» исследуется важное преимущество российской национальной политики – предоставляемые коренным малочисленным народам возможности сохранения и развития их самобытной культуры и промыслов, а также ведения традиционной хозяйственной деятельности. Автор приходит к выводу, что усиливающаяся конкуренция за доступ к природным ресурсам приводит к тому, что этничность всё чаще рассматривается как основание для реализации преимущественного права пользования ими. В данном ключе ею рассматривается феномен этнического возрождения айнов Камчатки. Исторически айны обитали на части Японских островов, Сахалине и Курилах; после 1945 г. были депортированы с территории, отошедшей к Советскому Союзу. Айнские землячества в Японии сохраняют и сегодня память о своей малой родине и делятся на сравнительно обособленные по территориальному принципу общины. В случае же с Северными Курилами и югом Камчатки не исключены исторические связи айнов с аборигенным населением последней. Однако японские карты и документы, хранящиеся в зарубежных и отечественных учреждениях науки (например, в Институте Восточных рукописей РАН, в Санкт-Петербурге) и культуры, показывают, что даже в XVIII в. у японцев не было чёткого представления об этнической культуре айнского Севера. Не дают полной картины и отечественные источники. Подобный научный статус является ещё одним фоновым условием, под сенью которого автор статьи анализирует предпосылки формирования движения и цели лидера российских айнов.

Ю. В. Латушко